

Глава первая,

*в которой мы погружаемся в исторический район
Петербурга — Пески и знакомимся с любителем
старого города, агентом по недвижимости
Михаилом, а также обитателями коммунальной
квартиры на 5-й Советской улице.*

«Ровно полтора года», — понял Михаил, поднимаясь по лестнице на четвертый этаж. Жители последней коммуналки в парадной расселялись под его напором, а также благодаря деньгам будущего владельца. Тот торговался на каждом шагу, хоть был богат и постоянно заявлял, что деньги не проблема. Вообще, фраза «деньги не проблема» означала, что клиент прижимистый и сложный, и Михаил ставил мысленную пометку.

На первой встрече Борис Иваныч расчувствовался и рассказал, что вырос в квартире этажом ниже и хочет на старости лет вернуться. Михаил не спрашивал, почему Борис Иваныч, который мог купить любую квартиру в Петербурге, возвращается в ветхий дом своего детства. Михаил никогда и никого не отговаривал, потому что и сам считал, что жить можно только в центре — у него была квартира на 3-й Советской в доме, собравшем пеструю компанию жильцов.

Здесь были и столетние коммуналки, и выкупленные квартиры. Михаил любил старые дома и дворы-колодцы. Каждая потерянная ступенька в его парадной кричала о богатой истории. Михаила не занимало величие империи, в которой строились дома. Ему был близок мир закрытых дворов-колодцев, кухонь, прихожих со старыми печами, черных лестниц, десятков потертых звонков, бородавками торчавших возле входных дверей. Он любовался потеками краски, отжившими свой век дверными колокольчиками, оттисками на кирпиче. Поэтому схожее душевное движение покупателей ему было близко и понятно, так что в агентстве недвижимости ему доверяли клиентов, романтизирующих старый, потерянный, но незабываемый мир. Таких же, как он сам.

Единственное, что позволил себе Михаил с Борисом Иванычем, — предложить ему другую, менее проблемную коммуналку с точки зрения количества и состава участников. Было несколько вариантов здесь же, в Песках. Но клиенту все было не то — вход со двора, скудное освещение или ремонт, уничтоживший лепнину и печи. Один дом оказался недостаточно старым. Он так и сказал: «Дому всего сто лет». Ясно было, что новую квартиру клиент переделает, перекроит, но сделает это *правильно*, с уважением. Михаил любил эту черту. В конце концов Борис Иваныч позвонил Михаилу сам, без посредника в лице агента, и попросил заняться расселением коммуналки в его родной парадной. Говорил, что чувствует тепло, что его тянет в родное место и все такое. Тогда-то и прозвучала фраза о деньгах, которые не будут проблемой, а еще обещание дополнительного

гонорара, если расселение совершится в терпимые сроки. Они не оговаривали, какой именно срок будет терпимым, но договорились о пятистах тысячах на руки после сделки.

Квартира на 5-й Советской, 34 изначально не шла под расселение. Клиентом агентства было только семейство из комнаты номер три — мать и двое подросших сыновей. Они продавали комнату, чтобы купить двушку в спальном районе. Борис Иванович ухватился за эту возможность. Предполагалось, что он выкупит комнаты по очереди. Но агентство заслало владельцам Михаила — разговорчивого, в неидеально отглаженных рубашках. Он одевался просто, чтобы быть своим парнем всюду и со всеми. Он уговорил владельцев расселиться буквально за неделю. Причина была самой банальной: в коммуналке обитали два алкоголика, которые сидели у остальных жильцов в печенках.

Михаил с облегчением считал ступеньки. Хотя коммуналка и была ему симпатична, он тем не менее ждал завтрашнюю сделку: длинная очередь у нотариуса, где владельцы подпишут бумаги на продажу и на встречную покупку, потом вся дружная (на самом деле нет) толпа направится в банк, где проведет столь же утомительное время в ожидании закладки, получения и обмена деньгами. Конечно, ему придется вернуться в квартиру для сверки счетов, для получения ключей, но это не более чем приятные мелочи. Нотариус, банк — границы, означающие, что его работа закончена.

За полтора года он запомнил количество шагов от комнаты до комнаты; до первой печки, обклеенной

газетами пятидесятых; до второй печки, залитой масляной краской; до промежуточной комнаты, где живет программист; и от нее — до кухни. На кухне проводились общие сборы. Ему даже выделили уголок между печкой и плитой Алкоголика Первого. Михаил вычистил свое рабочее место и принес пару картонных коробок, в которых хранились документы. Не самые важные — справки, выписки и столетние, поеденные тараканами поэтажные планы.

Десять владельцев — не баран чихнул. Общий сбор в коммуналке отнимал силы и нервы. Сначала неделю согласовывалось удобное всем время, когда все были свободны от работы, дежурств, отпусков, развозов детей по кружкам и прочих хлопот. Но потом у кого-нибудь случался форс-мажор. И они писали и сообщали, что задерживаются, преподносили важно *«задерживаюсь»*, словно опаздывала не меньше чем королевская особа. Больше всего проблем доставляли алкоголики, которых Михаил называл про себя Алкоголик Первый и Алкоголик Второй, согласно расположению их комнат. Комната Первого находилась ближе к входу, а Второго, соответственно, дальше. Они были примерно одного возраста, спившиеся и обросшие, звали их Романом Петровичем и Иваном Вадимовичем. Впрочем, Алкоголик Первый еще как-то держался, а Второй опустил окончательно. На глазах Михаила его комната превратилась в свалку, а самого Ивана Вадимовича он пару раз заставал спящим на подоконнике пролетом ниже. Спать он не мог открыть дверь ключом самостоятельно, а другие жильцы отказывались его пускать. Михаил будил его и помогал дойти до комнаты.

В любое время года и суток Иван Вадимыч носил потертую кожаную косуху с вышитой на спине красной розой. Косуха все меняла. В ней Иван Вадимыч был не просто алкашом, но человеком с таинственным и сложным прошлым, не выстоявшим под напором судьбы. И это Михаилу нравилось. В темных переплетениях коридоров, комнат, кухонь с ванными за занавеской жили самые необычные, самые странные люди.

«Ровно полтора года, черт возьми», — подумал Михаил. Своеобразный рекорд в карьере. Есть, конечно, коммуналки, которые расселяются годами. Квартиры с несговорчивыми бабками, которых скорее вынесешь ногами вперед, чем уговоришь продать жилье. Но у Михаила все получалось быстрее, ловчее. С ним коммунальные жильцы были сговорчивее, цену не заламывали, заоблачных требований к встрече не предъявляли. Была и вторая причина, помимо любви к старым домам, по которой ему поручали расселения, — невероятное умение расположить людей к себе. Вместе с ним шли дар убеждения, внимательность, способность запоминать разговоры, каждую мелочь биографии — свадьбы, разводы, количество детей, профессию и прежние места работы. Какое-то время Михаил подозревал в себе черты излишнего конформизма, но потом подозрение само собой забылось, и он стал думать о себе как о гиперобщительном человеке, «своем парне», который помогает людям.

Одна старушка, та, что была не в себе, доставила хлопот. Переехать в однушку на Парнасе она была не против, но периодически на нее накатывало,

и она меняла мнение, посылала Михаила подальше, а от приезжавшей ему на подмогу дочери запиралась в комнате. Недееспособной она не была, объясняла дочка. Обычные, знакомые ей с детства выкрутасы, усугубившиеся с возрастом.

Алкоголик Второй, Иван Вадимыч, тоже помотал нервы. Пару месяцев назад позвонил и стал говорить, что передумал, что комнату не продаст, потому что в ней родился, в ней и умрет. Пришлось напомнить ему биографию — в комнату он заселился в девяностом, когда из отдельной двухкомнатной квартиры его из-за пьянок выгнала жена. Алкоголик молчал, прифигев от подробностей собственной жизни, которые Михаил запомнил еще при первой встрече, и разговор на этом закончился. Однако в следующий месяц он попил изрядно Мишиной крови — требовал увеличить сумму выкупа то на миллион, то на два, то на пять, путался в количестве миллионов, просил подыскать ему другую встречу, дескать, найденная далеко от метро и так далее и тому подобное.

Причина такого поворота была неясна даже его собутыльнику.

— Долбанулся он, Михал Сергеич, да и все тут, — объяснил он.

Покупатель, поскрипев, согласился повысить цену на пятьсот тысяч. Через пять минут после того, как Михаил сообщил эту новость мятежному собственнику, взяв обещание никому не рассказывать, телефон агента оборвали другие владельцы с возмущенными требованиями увеличить и им сумму на пятьсот тысяч. С таким раскладом не согласился уже покупатель. Пришлось лично проходиться

по собственникам, уговаривать, успокаивать. В очередной раз Михаил посетил и Ивана Вадимовича, принес дорогой водки и закуски. Они выпили, и Михаил снова уговаривал, пытался понять причину резкой смены настроения, но толком ничего не узнал. Однако через месяц все уладилось, как будто ничего не было — Иван Вадимович откатился на прежние условия, извинялся за задержку. Как узнал Михаил позже, от мятежа Алкоголика Второго отговорил Алкоголик Первый. За это Михаил презентовал ему бутылку виски. Все выдохнули и стали готовиться к сделке.

Сама по себе непростая история с десятью разными владельцами и десятью встречами осложнялась раздолбайством самих владельцев. Документы были в порядке у дисциплинированных единиц. Остальные бумаги готовились под тщательным присмотром самого Михаила. У кого-то, у обоих алкоголиков например, они были утеряны. Кто-то жил в комнате, доставшейся от родни, не заморачиваясь оформлением собственности.

Так, в спорах и в подготовке бумаг, прошло полтора года. Казалось, что вот-вот, за поворотом, все будет готово и квартира выйдет на сделку, но за поворотом оказывался следующий, потом еще и еще. Михаилу даже стало сниться, как он бродит по сумеречным пустым Пескам, ныряет в одну арку за другой, проходит по дворам-колодцам, заключенным в каменные мешки домов, выходит на узкие улицы — и так без конца. Во сне он шел то в квартиру на 5-й Советской, то к себе домой, но не находил пути. Он просыпался и недоумевал — ведь надо

было перейти улицу и повернуть направо, почему он не сделал этого во сне, а потом засыпал и видел все тот же муторный сон.

Михаилу нравилась расселяемая квартира. Объект площадью 220 квадратных метров, двусторонний: окна на улицу и в колодец. Просторная прихожая, заваленная классическим коммунальным хламом, за который жильцы цеплялись, как за сокровища, — подборки советских журналов, связанные бечевкой, довоенные велосипеды, коньки, лыжи, старые чемоданы с обитыми железом углами. Вещи лежали на полу, выпирали с антресолей, прикрытые полустлевшими шторками. Велосипед и лыжи покоились на крюках, вбитых в стену. Вперемежку с этим шли вешалки и тумбы, девять — на девять комнат, и уголок с вбитыми в стену гвоздями, куда Алкоголик Второй вешал одежду за отсутствием собственной вешалки. В квартире было принято разуваться сразу при входе, и это правило тоже было симпатичное — коридор, кухня и санузел были условно чистыми. Когда Михаилу стало понятно, что вальс с этой квартирой придется танцевать долго, он принес свои тапочки, и они уютно ждали его справа от входа.

Комнаты располагались так: пять с одной стороны и четыре с другой, ванная, затем коридор поворачивал направо у круглой печи, сохранившейся еще с постройки дома, вел к еще одной комнате, туалету и приводил в огромную кухню. По двум стенам кухни шли плиты и шкафы жильцов, они полностью отражали возраст, социальное положение, пол и доход каждого. У стояка в ряд расположились раковины разной степени чистоты. Посередине находился общий

стол, заставленный посудой. В углу жильцы поставили дополнительную ванну, прикрытую шторкой с дельфинами. Людей было много, и, чтобы не ждать очереди помыться, они скинулись на установку ванны в кухне. Мылись там по договоренности — до пяти и после одиннадцати вечера, когда народу было меньше всего. Рабочая печь на кухне прикрыта кленкой, но при желании можно проверить тягу и готовить на ней. На печи четыре конфорки, четыре кругляша, которые закрывались несколькими кольцами разного размера, регулирующими жар.

У Михаила в квартире тоже была печь, но для отопления, а не для готовки. Одним боком она выходила в коридор, другим — в детскую. Терракотовые изразцы с ландышами и птицами были залиты слоями белой масляной краски, из-под которых только угадывались их силуэты. На реставрацию печки требовалось триста тысяч, которые никак не находились. Остальные двести от сделки, обещанные покупателем, он планировал потратить на повторный ремонт в ванной — там неудачно положили ламинат, а стеклянная штора подтекала.

Михаил жил в семи минутах от коммуналки на 5-й Советской и часто и с удовольствием ходил туда пешком даже тогда, когда вопрос можно было решить по телефону. Визиты он обычно планировал на вечер. Ему нравилось спускаться по лестнице в собственной парадной — не слишком чистой, но обновленной и оживленной. Стены и потолок покрашены в нежный бежевый цвет. Провода уютно переплетаются над квартирами. В новостроях их прятали, и это было не то — не живо.

На его 3-й Советской улице был высажен шиповник, а на 4-й Советской — сирень. Они цвели и пахли в начале июня. 5-я Советская была без зелени, но, с другой стороны, ничто не отвлекало от безупречной геометрии улицы, от нежного цвета домов, от маскаронов и завитков на фасадах. Идеальная геометрия заканчивалась в Овсянниковском саду, улица упиралась в его высокие кудрявые каштаны. Особенно хорошо здесь в белые ночи, в девять-десять вечера — солнце уже скрылось, но сумерки еще тянутся. Тянутся, но не заканчиваются, светлеют и становятся новым днем. Приятно идти по делам, чувствовать запах цветения и думать о сумерках, перерождающихся в утро.

Дома на пути тоже уютные — фасады не слишком обшарпанные и не слишком новые, в самый раз, как удобные ботинки. За стеклами — богатый мир, сокровища, жемчуга и сапфиры: коммунальные кухни, обычные кухни, стойки отелей, горшки с цветами, кошки, детские игрушки. В щели в шторах открывалась чужая жизнь. Указатели: стоматология, юридическая помощь, кафе, квест-комнаты, апарт-отель, ремонт обуви и изготовление ключей, цветы и кофе, кофе и цветы. Старый Петербург в такие вечера распахивал пальто, прогуливался неторопливо по собственным улицам, одобрительно оглядывал своих детей. Каждый фасад, зелень кустов и травы — во всем была старая, проверенная временем красота.

Михаил открывал дверь своим ключом. Затем надевал тапочки, отсчитывал шаги до нужной комнаты, стучался, дожидался, когда с той стороны ответят «Входите!», входил и решал бесконечные вопросы,

советовал, записывал, давал нужные контакты, помогал записаться в МФЦ и так далее, без конца.

Разумеется, были и другие клиенты, другие объекты. Михаил вел две-три сделки одновременно, и его день был заполнен показами, а также встречами в агентстве. Их Михаил тоже любил, потому что витринные окна обеих переговорных выходили на улицу Рубинштейна. Секретарь Ирина Петровна — суровая офисная работница, которую не хотелось называть никак иначе, хотя в агентстве все обращались друг к другу на «ты» и по имени, — приносила чай и кофе в чашках Императорского фарфорового завода. От большого деревянного стола становилось тепло даже в пасмурную погоду. Для особо важных гостей Ирину Петровну просили зажечь биокамин, вмонтированный в стену. Живой огонь оживлял и переговорку, и улицу за окном, и прохожих.

История с коммуналкой началась в конце хмурого апреля и окончиться должна была в конце ноября. Покупатель получит квартиру, снесет стены, установит новые и, под полыхание огня в биокаmine, будет с бокалом коньяка вспоминать детство, когда соседи казались дружными, а мир — добрым и ласковым. Коммунальные жильцы разъедутся по новым квартирам в спальных районах. К обитателям таких районов Михаил относился с сочувствием, как к людям, которым серьезно не повезло в жизни, вследствие чего они вынуждены каждый день видеть панельные многоэтажки.

Вечером накануне заключения сделки он шел на 5-ю Советскую пешком, наслаждаясь городом и ощущением, что вот-вот, через несколько часов,

трудное дело будет закончено. Ожидание будущего облегчения было сильным, как после долгой зимней прогулки предчувствовать, что сейчас снимешь дома тяжелый пуховик и плечи заноят, освобожденные от груза. Примерно с таким ощущением он пересекал Советские и любовался голыми ветками шиповника и сирени, сбросившими листья и замершими в ожидании снега.

Он открыл дверь своим ключом, с наслаждением проворачивая его в последний раз, и в последний раз с удовольствием надел тапочки. Решил не вызывать жильцов поодиночке, а крикнул на всю длину коридора:

— Коллеги, я пришел!

Глава вторая,

в которой Михаил проводит последнюю встречу перед продажей квартиры, а обитатели коммуналки предстают перед читателем во всем своем великолепии.

В комнатах началось шевеление — прекратились разговоры, зашуршали тапочки. Двери открывались, соседи приветствовали Михаила. Владельцы, некоторые парами, выдвигались на кухню, несли свои табуретки, стулья. Студентка Варя тащила кресломешок. Жильцы шли по коридору и зажигали свет — три лампочки по дороге на кухню, каждая с отдельным выключателем. Михаил не терпел пещерной темноты в коридорах коммуналок, она пугала его, у себя в квартире он протянул световую дорожку во всю длину от входа до кухни. Но тут старушка-не-в-себе, Нателла Валерьевна, была помешана на экономии, остальные жильцы устали с ней бороться.

Повернув за угол, Михаил стукнул условленным «кодом» в дверь программиста: два стука, пауза, один — выходи.

— Минутку, — отозвались из комнаты.

Михаил толкнул дверь и шагнул внутрь. Паша сидел за столом, на котором стояли фигурки из Гарри

Поттера размером с палец. В комнате сильно пахло спиртом. Паша тряпочкой протер фигурку Гермионы и поставил ее на стол к остальным.

— Что за запах? — спросил Михаил. — Вступили в клуб к нашим алкоголикам?

Программист рассмеялся. Он кивнул на куб — 3D-принтер.

— Заказали коллекционные фигурки на день рождения.

— А пахнет чем?

— Техническим спиртом. Надо протирать после печати.

Михаил взял и покрутил в руке фигурку Гарри.

— Ничего так.

— Михаил Сергеевич, мы ждем, — раздался голос позади.

Михаил обернулся. Это была Валентина Афанасьевна, старушка-в-себе и старшая по квартире. В ее обязанности входил сбор денег на коммунальные расходы и решение общих бытовых вопросов. Она недовольно повела носом и прикрыла дверь. Михаил и Паша вышли и направились на кухню. За ними шла Нателла-не-в-себе и выключала свет. Через два щелчка Михаил дошел до кухни с единственной лампочкой без абажура. Общие и одиночные встречи на кухне проводили постоянно, необходимо было читать и подписывать документы, и год назад Михаил принес матовую энергосберегающую лампочку, выкрутил старую, покрытую пылью и паутиной, и на кухню упал ровный холодный свет. Одной лампочки было недостаточно для этого большого помещения с высокими потолками, но она светила

ровно туда, куда Михаилу было нужно, а остальное его не волновало.

Владельцы рассаживались, Михаил сразу заметил — не хватало обоих алкоголиков, наверное, набухались и спят, ну да ничего, он зайдет к ним сразу после. Старушка-не-в-себе, войдя на кухню, осмотрелась, поджала губы и потянула руку к выключателю. Этот жест вызвал дружное:

— Нателла Валерьевна, не выключайте!

«Не выключайте» у некоторых прозвучало как «не надо» и «ну хватит уже», но Михаил обратил внимание на дружное, отточенное «Нателла Валерьевна». Старушка присела на стул у печки. На самом деле благодаря ей печку в свое время не снесли, как и не убрали из прихожей круглый дровяной обогреватель — в девяностые много старины по глупости поносили и поубирали, но сейчас это старье реставрировали, лакировали и встраивали в интерьер.

— Ну что, коллеги, поздравляю. Сегодня последняя встреча перед сделкой!

Михаил произнес приветствие, как конференсье, и ответом ему были аплодисменты. Жильцы в большинстве обладали чувством юмора и подыгрывали.

— Михаил Сергеич, сколько по времени займет сделка?

— Михал Сергеич, мне надо брать квитанции по коммуналке за весь год или только за последний месяц?

— Миша, скажи, дорогой, есть ли там парковка?

— Заткнитесь вы, записюны немые, — зашипела Нателла Валерьевна. — Дайте сказать этому маляхольному.

Значит, сегодня у нее обострение. Соседи зацкали на ее выпад, а Михаил молча проглотил, что его обозвали малахольным. Нателла могла и не так.

В первую очередь он рассказал о времени и месте сделки. Потом сориентировал, сколько она займет по времени. Затем — по документам и их давности, каждому был роздан чек-лист. Решили вопрос с опозданиями и отсутствием некоторых владельцев. «Некоторыми» были алкоголики, но Михаил заверил, что обзвонит всех собственников за час и, если те не ответят, явится сюда и лично за шкирку приведет их к нотариусу. Внутренне он вздрогнул, когда говорил это, потому что не был уверен, хватит ли ему сил, если забухают оба. Но его «за шкирку» было воспринято собственниками одобрительными кивками и смешками. Еще было море вопросов по очередности подписания (не имеет особого значения, потому что в конце подписывают все вместе), срокам выезда из квартиры после сделки (покупатель благосклонен и разрешил оставаться сколько нужно, понимает, что нынешним владельцам нужно привести в порядок новое жилье) и так далее, и так далее. Михаил почувствовал, что вопросы не заканчиваются, а он уже начал выдыхаться. Посмотрел на часы и обнаружил, что он провел за разговором ровно час. Он красноречиво поднял брови, снова взглянув на часы, и владельцы засобирались. Сыпались последние, уже не важные вопросы. По очереди прощались и благодарили. Нателла Валерьевна пропускала всех вперед, держа руку на выключателе, но не держала и щелкнула до того, как вышли все соседи, на кухне наступила темнота. Раздались возмущенные

возгласы. Программист Паша включил свет заново и подтолкнул Нателлу в сторону коридора.

Михаил направился в комнату Романа Петровича. Первый раз постучал тихо, прислушался — за дверью тишина. Свет не горел. Он постучал громче — нет ответа, толкнул дверь — заперто. Пять шагов до комнаты Алкоголика Второго. Снова тихий стук, на который из-за двери ответил хриплый голос:

— Входите!

Роман Петрович и Иван Вадимыч были здесь. Первый сидел на диване, хозяин — на табурете. Между ними стоял табурет с бутылкой зубровки, крупно нарезанной колбасой и ломтями хлеба.

— Мишаня, дорогой! Садись к нам, мой хороший! — воскликнул Иван Вадимович, указывая широким жестом на диван. Сегодня его косуха лежала на диване розой вверх. На хозяине были грязнейшие футболка и джинсы. Михаил впервые заметил, что роза, раньше казавшаяся ему ярко-красной, на самом деле имеет грязно-бордовый оттенок, а некогда зеленые листья стали бурыми.

Иван Вадимыч протянул руку к письменному столу, придвинутому к окну, и взял с него рюмку, посмотрел на нее, прищулив глаз, дунул, стукнул ею о табурет и налил настойки до краев. Мишаня не стал отказываться. Надеясь, что спирт убил все микробы, он выпил стопку и закусил серым хлебом. Он нарушал правила агентской этики и наслаждался каждой секундой нарушения: как паленая настойка обожгла горло и как кисловатый хлеб потушил пожар, вызванный зубровкой. Собутельники тем временем продолжали прерванный разговор.

— Так что, Ваня, вот так. Живем дальше.

— Рома, устал от этого знаешь... — Иван Вадимыч постучал себя кулаком по грудной клетке, вспоминая запахи, спрятавшиеся под одеждой.

Михаил невольно отпрянул, но мгновенно овладел собой.

— Ладно, Ваня, давай допьем, да и расходимся, — сказал Роман Петрович.

Он взял бутылку и разлил остатки по трем рюмкам. Они чокнулись и выпили. Михаил удивлялся этому свойству алкоголиков — им не было жалко водьяры для случайных собутыльников, внезапных гостей и других левых людей. По логике они должны были беречь добро для себя. Но, работая с коммуналками много лет, Михаил понял, что в сути алкоголиков — делиться, чтобы люди сделались близкими и дорогими. Алкоголиков Михаил считал добрыми в отличие от наркоманов.

Берлога Ивана Вадимыча представляла собой восемнадцать расположенных пеналом, скудно освещенных квадратных метров. Некогда модные коричневые обои отходили от стены у самого потолка. Комнату не раз затапливали соседи, и потолок приобрел такой же коричневый цвет. Окно выходило во двор-колодец и света почти не давало, от этого у Михаила было ощущение, что он находится в гробу, в котором могильщики милостиво оставили щель, чтобы покойный не заскучал. В правом дальнем углу висела густая паутина — жилище паука Васьки, которому Иван Вадимыч в сезон ловил мух.

Свободными были только узкий проход от двери до дивана да пятачок перед ним, где сидели хозяин

и гости. Письменный стол был заставлен едой. На диване Иван Вадимыч спал, ел и смотрел телевизор, приткнувшийся на груде вещей напротив. Остальное пространство было занято невообразимой кучей из одежды, мебели, матрасов, обуви, книг, посуды и прочего, перемешанного и сжатого в плотную массу, на которую при желании можно было опереться. К удивлению Михаила, когда он впервые посетил эту комнату, вещи не пахли, наверное, попросту обветшали и устали вонять. Зато в комнате всегда стоял запах крепкого алкоголя и немытого Ивана Вадимыча.

— Ты, Мишаня, не кипишись, — доверительно склоняясь, сказал Иван Вадимыч. — Мы завтра — как штык.

— Нателла сказала, что мы долбоебы и все просрем, — добавил Роман Петрович. Он составил рюмки и остатки закуски на стол, ладонью смахнул крошки прямо на пол и поставил стул под стол. Иван Вадимыч пьяно кивал, подтверждая. С каждым кивком он склонялся ниже и ниже — видимо, открывал настойку и начинал еще в одиночестве. Роман Петрович аккуратно пересадил друга на диван, тот лег и подобрал ноги.

— Самое важное — завтра без опозданий и с документами, — сказал Михаил. — Вы знаете, где Иван Вадимович их хранит?

— Да вот же, — ответил Роман Петрович и, наклонившись над столом, выдвинул ящик.

В ящике находилась одна из пластиковых папок, которые сам Михаил раздал владельцам под документы. Михаил взял папку и тщательно проверил

бумаги — свидетельства, справки, паспорт. Старые и новые бумаги были в полном порядке. Поколебавшись — взять папку с собой или оставить, он все же положил ее обратно и задвинул ящик.

— Все по списку. Главное теперь — явиться на сделку, — сказал он сам себе.

— Ты, Михаил Сергеевич, не волнуйся. Я его подниму, — заверил его Алкоголик Первый.

— У вас, Роман Петрович, все подготовлено? — спросил Михаил.

— Обижаете! Зайдите, посмотрите, — ответил тот.

В его комнате было чуть приличнее, но ровно потому, что не было навалено отжившего свой век мусора. Такие же отклеившиеся обои, только светлые, такой же коричневый от протечек потолок. Единственное окно выходило на улицу, но комнате-пеналу оно особо не помогало. Михаил представлял себе «свет в конце туннеля» узкой коммунальной комнатой с окном. Здесь пахло запустением, гнилыми яблоками, хотя самих яблок не наблюдалось, нестираным бельем, немного — водкой, но в основном старым неухоженным жильем. Роман Петрович был любителем старины, и одна стена у него была увешана неработающими часами с кукушками, а вторая полками, заставленными самоварами. В комнате был относительный порядок. Письменный стол выполнял роль только письменного стола. Вещи хранились в полированном шкафу. Часы и самовары, правда, покрылись толстым слоем пыли. Михаил положил глаз на одни часы — небольшие, с шикарной цепочкой с шишечками. После ремонта и чистки они отлично

вписались бы в его гостиную. Он рассчитывал прикупить их по дешевке, когда Роман Петрович будет выезжать.

Документы лежали на столе в точно такой же папке и были в полном комплекте. Роман Петрович пригласил выпить за окончание сделки, но Михаил отказался — Лена попросила перехватить детей, хотела пойти в бассейн. Поэтому он попрощался и вышел из комнаты, но на пороге его перехватила Нателла Валерьевна. Она караулила прямо у двери, поэтому смыться не удалось. Заговорщицки махнув рукой — «иди за мной», она направилась в свою комнату. Свет в коридоре она успела выключить, поэтому они оказались в кромешной тьме после того, как Михаил закрыл за собой дверь Романа Петровича. Восемь шагов от комнаты Алкоголика Первого до комнаты старушки-не-в-себе. Строго говоря, Нателла выглядела моложе лет на пятнадцать, но по возрасту, а ей было семьдесят семь, могла именоваться старушкой.

Ее комната была ярко освещена — люстра на пять рожков, бра над входом и около кресла у окна. Комната размером с квартиру в пятьдесят метров обставлена старомодно, но уютно. Буфет, холодильник. Столик покрыт скатертью и окружен обитыми поролоном стульями. По правую руку — компьютерный стол, за которым сидела девочка-подросток. Она повернула голову, когда Михаил вошел, и ответила на его приветствие лишь кивком. Посреди комнаты возле клетки, заполненной сеном, сидела гигантская морская свинка. Когда Михаил вошел, она перестала жевать, замерла и вытаращилась на него не мигая.

Этот фокус она проделывала при каждом появлении Михаила, и он всегда наблюдал: моргнет или нет.

Нателла Валерьевна задерживала Михаила, но ощущение грядущего освобождения было таким сильным, что даже ее назойливость не раздражала.

— Михаил Сергеевич, я подготовила еще одну жалобу на этих козлов, — она красноречиво мотнула головой, хотя уточнения не требовалось. — Развели клоповник! А у меня ребенок! — она махнула рукой в сторону девочки, та надела наушники.

— Нателла Валерьевна, завтра же сделка, скоро съедете отсюда в отдельное жилье. Двухкомнатное, между прочим.

Старушка-не-в-себе подошла к нему близко-близко и заговорила о клопах, тараканах, язвах, чуме и инфекциях, трупах и трупном запахе, вонючих козлах, нестираных подштанниках. В комнате пахло едой. На столе стояла тарелка с бутербродами с колбасой. Желудок Михаила требовательно забурлил.

— Хорошо, хорошо, давайте сюда свою жалобу, — сказал он и немедленно получил документ в файлике, оформленный по всем правилам. Шапка, заголовок и длинный текст — лист был исписан с двух сторон. Жалоба оканчивалась затейливой подписью. Михаил делал вид, что читает, подавляя зевок, и косился на свинку — та все еще не двигалась и не моргала.

— Ну все вроде в порядке, — заключил он, выждав приличное время. — Завтра отдам кому следует.

Этих жалоб у него было восемнадцать — по числу месяцев, ушедших на сделку. Причем количество обвинений увеличивалось с каждым месяцем. Поначалу

были только алкоголизм и тараканы, где-то месяце на шестом появились обвинения в убийствах, за ними поехала чума, СПИД и сифилис, а сегодняшнюю жалобу завершали «мерзотники». Нателла Валерьевна жила в коммуналке с 1976 года, дольше всех. Обычно такие дамы были старшими по квартире — следили за счетами, пробивали ремонт и замену сантехники. Увы, Нателла Валерьевна ограничивалась только длинными жалобами, которые, как оказалось, она ни разу не донесла даже до участкового.

— Наша Нателлочка переписывается со спортлото, — говорил Иван Вадимыч.

Она была единственной, кто не поделился своей историей с Михаилом. От дочки он узнал, что в прошлом Нателла — инженер на судоремонтном заводе. Михаил не удивился. Сумасшедшие и алкоголики часто бывали образованными людьми, и это добавляло им шарма. Кем ей приходилась девочка за компьютером, Нателла Валерьевна тщательно скрывала. Девочка не была зарегистрирована в комнате, никто не знал ее имени.

Михаил потянул еще полминуты, дожидаясь малейшего проявления жизни от свинки, но та держалась, не моргала и не двигалась.

— Ну все, Нателла Валерьевна, — сдался Михаил. — До завтра. Не забудьте документы.

Он ушел, уверенный, что документы ни за что не будут забыты и что она поднимет обоих алкоголиков, потому что из-за них, падлюк таких, она и меняет комнату в центре на какую-то Гражданку, которая ей не всралась вот нисколько — жила здесь полвека и еще проживет. Михаил посмеивался про

себя. С легким сердцем, держа листок с жалобой в руке, он сбежал на улицу и заторопился домой, потому что Лена прислала уже два сообщения с вопросом, где он.

Пока он был на объекте, прошел дождик, и на 5-й Советской было свежо и светло. Михаил вдыхал прохладный воздух носом и выдыхал ртом, наслаждаясь каждым его кубическим сантиметром. Зазвонил телефон — агент клиента. Михаил с удовольствием ответил — даже этот зануда не смог бы испортить вечер.

— Михаил Сергеевич, добрый вечер, — раздался голос по ту сторону телефона. Николай Васильевич тянул гласные и имел вечно заложенный нос, отчего говорил как в трубу. За полтора года Михаил несколько раз пытался перейти на общение по имени и на «ты», но коллега делал вид, что не понимает. Миша считал его мудаком. — Я проверял информацию по дому, и в разных источниках указаны разные перекрытия.

— В смысле? — не понял Михаил.

— У нас по всем документам перекрытия железные с деревянным заполнением?

— Да.

— А на сайте жилищного фонда — деревянные!

— Так мало ли что там на сайте. Перепутали, — возразил Михаил.

— Смотрите, еще через знакомую сделал запрос в центральный ГУИОН, и у них тоже разнятся данные!

— Николай Васильевич, ну железные же перекрытия по всем документам. Мало ли что в архивах напутали. В одном месте ошибка появилась,

информацию передают в другое ведомство по цепочке, вы знаете.

— Мне нужно переговорить об этом с покупателем. Дело в том, что в данных от тысяча девятьсот десятого года перекрытия именно что деревянные, меня это смущает. Возможно, ошибка пошла в другую сторону — перекрытия деревянные, а везде указали железные.

— Говорите, конечно, — холодно произнес Михаил. — Только завтра в два — сделка.

— Мне ли не помнить, — отозвался Николай. — Уж извините за дотошность, но не могу не проинформировать своего клиента.

— Хорошо, буду ждать вашего звонка, — смягчился Михаил. Николай извинился впервые на его памяти.

Но и этот разговор, после которого над сделкой нависла еле заметная угроза, не испортил настроение Михаилу. Борис Иванович разумный человек, не станет глубоко копаться в перекрытиях и фигурально, и буквально. Ностальгия — сильнейшее чувство. Наверное, даже сильнее, чем любовь. Любовь с годами увядает, а ностальгия становится сильнее.

Лена ждала его в прихожей уже одетой. Веселый взгляд, поцелуй в щеку. Он сильно опоздал, а ей давно надо было выходить. Ни капли недовольства, ни слова упрека.

— Обе в ванной. Не забудь высушить феном, чтобы волосы лежали. Перед сном пусть сходят в туалет. Тебе еды нет, — сказала она, застегивая пальто.

— Закажу шаверму, — отозвался Михаил. — Тебе заказывать?

Лена задумалась, натягивая перчатки.

— Не, буду держаться. Возьму йогурта по дороге домой. Давай. — Быстрый поцелуй в другую щеку. Она открыла дверь и вышла. Бассейн работал до двенадцати, Лена ходила два раза в неделю, чтобы «не разжиреть окончательно».

За последние годы они оба прибавили в весе. Но Лена, несмотря на двоих детей, оставалась стройной, а Миша отрастил жирок. Он присел на пуфик, чтобы расшнуровать ботинки, посмотрел на себя в ростовое зеркало и погладил выпирающий живот. Его взгляд упал на рюкзак, с которым Лена ходила в бассейн. Он подскочил, распахнул дверь и выглянул в парадную. Шапка жены исчезала внизу.

— Рюкзак опять забыла! — крикнул он в пролет.

Шаги затихли, а потом стали подниматься, и с ними поднималось шуршание пуховика.

Закрыв за женой дверь, Михаил снова сел на пуфик. Пока снимал ботинки, смотрел на себя в зеркало. Темные волосы, широкий лоб, карие глаза. Нос чуть скошен вбок — студенческая драка. Если долго смотреть на нос, вспомнишь ночной холод, суetyающиеся тени, взмах чужого кулака, хруст и сильную боль. Тонкие губы, обычный подбородок. На висках в прошлом месяце появилась седина. Одежда «своего парня». Из ванной доносился звук льющейся воды и голоса девочек. Михаил решил переодеться в пижаму и направился в спальню, но из ванной раздались плеск и вопль:

— Мама, скажи ей, она опять проливает воду на пол!